

В самом сердце континента возвышалась величественная и неприступная гора Тяньи. Ее крутые, отвесные кручи таили в себе богатейшие духовные жилы, превращая эти земли в истинно благословенную обитель.

Три тысячи лет назад бессмертный подвижник древности устроил здесь великое проповедническое собрание, длившееся сорок девять дней. Три тысячи существ — люди, демоны и духи — внимали его мудрости, обретая прозрение и духовное пробуждение. На сорок девятый день великий предок вознесся на небеса, а слушатели разошлись. Лишь один юноша из рода людского, исполненный глубокой благодарности, остался у подножия, дабы продолжить совершенствование. Достигнув прозрения, он последовал примеру учителя: основал на этой горе орден и стал обучать смертных тонкостям Великого Дао.

Прошли три тысячелетия. Ныне континент делят между собой три великие силы — люди, демоны и асуры, а гора Тяньи превратилась в оплот крупнейшей людской секты с одноименным названием.

Владыку этой сиятельной обители, высокопочитаемого главу секты, в мире звали Повелителем Зеленых Гор, Циншань-цзюнем. Человеком он был своенравным, беспечным и неласковым к рутине: постоянные скитания привлекали его куда больше, чем забота об ордене, отчего все дела он без зазрения совести перекладывал на чужие плечи.

Великой секте несказанно не повезло с подобным главой, однако небеса послали ей утешение. Старший ученик Циншань-цзюня, одаренный невероятным талантом к совершенствованию, с юных лет всем сердцем стремился к Дао. Холодный, сдержанный и беспристрастный, он казался истинным воплощением бессмертного праведника. В народе шептались: пройдут года, Цзинмин-цзюнь окрепнет — и из него выйдет безупречный глава ордена.

Но совсем недавно безупречный Цзинмин-цзюнь оступился на лестнице совершенствования, скатившись с девятитысячной ступени прямо на самую первую.

Разглядывая незнакомое убранство, Бай Цинюнь потихоньку потягивал чай, молча слушая тараторенье стоящей перед ним девушки.

Он только-только пришел в себя, и в голове царил абсолютный хаос. Главная загадка заключалась в следующем: как, скажите на милость, летящий на полной скорости грузовик за какую-то долю секунды сменился этой древней, пахнущей морилкой комнатой?

Массивное кресло из темного дерева, резное решетчатое окно, резное ложе... Цинюнь опустил взгляд на широкие шелковые рукава и белоснежный подол. Что-то здесь было катастрофически не так.

В этот момент раздался резкий звон.

Девушка в изумрудно-зеленом даосском одеянии с двумя задорными пучками на голове с грохотом хлопнула пиалой по столу. Мутная коричневатая жидкость плеснула через край, вылившись прямо на скатерть. Глядя на темнеющее расплывчатое пятно, Цинюнь невольно нахмурился.

«Скатерть... Она же теперь грязная.

Менять ее — экая морокища. Интересно, если я попрошу, она согласится убрать за собой?»

Однако собеседница выглядела настолько свирепо, что Бай Цинюнь поостерегся открывать рот.

Пока он предавался сомнениям, юная заклинательница уже зашлась пылкой любовью к справедливости:

— Старший брат! Зачем ты заставил младшего брата Е сражаться с марионеткой с мечевым талисманом?! Цинхэ ведь только-только вступил в секту Тяньи! Он и полгода еще не проучился, у него даже собственного меча нет! Как ты мог отправить его на занятие по фехтованию?!

Чужой праведный гнев обрушился на Цинюня с такой силой, что у него голова пошла кругом. Лишь спустя пару мгновений до него начал доходить смысл услышанного. А девица тем временем продолжала нарезать круги и сыпать обвинениями, смакуя каждую деталь его «чудовищной жестокости».

«Младший брат Е? Собственный меч?»

Бай Цинюнь замер. В памяти промелькнула смутная догадка.

— Ты говоришь... об Е Цинхэ?

Девушка издала сокрушительный смешок, выражавший нечто вроде: «А о ком же еще, по-твоему?!»

Бай Цинюнь сделал еще один глоток уже остывшего чая. Пазл сложился. Теперь он понимал абсолютно все.

Будучи беспечным студентом-четверокурсником, он подписал трудовой договор еще осенью, в аспирантуру поступать не собирался и откровенно пинал балду, коротая дни за чтением новелл.

Совсем недавно ему попала одна древняя веб-новелла про бессмертных и их гаремы. Нажал

он на нее чисто из любопытства — увидел в списке второстепенных персонажей свое имя. Но сюжет неожиданно затянул: бессонные ночи, затекшая шея и чтение вплоть до рассвета.

Это была типичная история восьмилетней давности — классическое фэнтези о прокачке, мести и собирании красавиц. Шаблонное, наивное, но написанное настолько бойким и сочным языком, что оторваться было невозможно.

Главный герой — сирота, брошенный родителями с рождения. С малых лет терпел издевательства от деревенских задир, пока случайно не спас проходящего мимо бессмертного, который и забрал мальчишку в орден. Казалось бы, вот оно, счастье! Да только на следующий же день благодетель ушел в бесконечное странствие, оставив ребенка на попечение своего старшего ученика.

А этот старший ученик на поверку оказался сущим ничтожеством. Внешне — благородный, холодный праведник, а в душе — завистливый и мерзкий тиран. Он измывался над главным героем как мог, превратив его жизнь в ад и неоднократно ставя на грань гибели. Так продолжалось до тех пор, пока у юноши не пробудилась кровь Древнего Темного Феникса вместе с воспоминаниями из прошлой жизни — жизни Короля Демонов. И тогда началось долгожданное кровавое возмездие с раздачей пощечин и пополнением гарема.

И надо же было такому случиться: главного героя звали Е Цинхэ, а сам Цинюнь, похоже, переродился в того самого злодея — старшего брата.

Какой финал ждет лицемера, ставившего палки в колеса главному герою? Бай Цинюнь судорожно вспомнил середину книги. Итог был, мягко говоря, неутешительным.

Главный герой одним ударом меча разрушит его духовное ядро, превратив в калеку, подрежет сухожилия, выколлет глаза, отрубит руки и ноги, обрекая на мучительную смерть. А после кончины переплавит тело в артефакт, а душу разотрет в порошок, развеяв по ветру...

«Пресвятые угодники! Это же просто дичь!»

Бай Цинюнь тяжело вздохнул. По словам Линьсюань — так прозывалась эта вспыльчивая младшая сестра, — главный герой сейчас лежит без сознания. Что это значит? А то, что Е Цинхэ пробыл в секте Тяньи уже полгода. За это время прежний владелец тела успел осыпать его бранью, подставить, унижить, избить и совершить еще кучу безумств, надежно обеспечив себе билет на тот свет.

Кое-как Цинюню удалось выпроводить девушку.

Линьсюань отличалась отходчивым нравом. Пара правильных фраз — и от ее ярости не осталось и следа. Уходя, она даже не заподозрила подвоха, решив, будто старший брат просто расстроен тем, что снова «случайно» покалечил младшенького на тренировке.

Едва за Линьсюань закрылась дверь, Цинюнь отбросил всякую чинность: широко расставив ноги, он развалился в кресле сокрушенным мешком, уставившись в потолок остекленевшим взглядом.

«Все. Пропал. Можно заказать саван».

Но умирать-то не хотелось! Он только что вырвался из-под колес грузовика, и теперь мечтал лишь об одном: вкусно поесть, сладко поспать да вести жизнь беззаботной ленивой рыбы.

Надо спастись!

Поколебавшись немного, Бай Цинюнь решил прихватить меч и отправиться на поиски пострадавшего. Момент был идеальным.

Разве Линьсюань не сказала, что Е Цинхэ лежит без памяти? А ведь когда человек болен и слаб, его защитные барьеры рушатся. Чем не шанс выказать заботу и снискать прощение? На худой конец можно принести ему горячего отвара, сделать массаж плеч или, упав в ноги, разразиться рыданиями.

Обитель Е Цинхэ располагалась на самом краю утеса Пика Услышанного Снега — в месте сиром, уединенном и продуваемом всеми ветрами. От главного дворца Пика Услышанного Снега его отделяло приличное расстояние, а само «жилище» представляло собой убогую лачугу.

Ветхая, накренившаяся избушка сквозила со всех щелей. Во время дождя крыша протекала, от любого порыва ветра стены жалобно стонали, а ведь на Пике Услышанного Снега круглый год царил лютый мороз. На улице и то было теплее.

Нетрудно догадаться, чьих рук это дело.

В свое время автор новеллы посвятил описанию этой хижины добрую половину главы, так что Бай Цинюнь без труда отыскал нужную лачугу.

Но увиденное вживую превзошло все ожидания. Текст не передавал и десятой доли этого убожества. Беседке на четырех столбах — и той повезло больше, чем этому «дворцу».

И ведь Е Цинхэ привели сюда в четырнадцатилетнем возрасте! Сейчас ему от силы шестнадцать — по меркам его прежнего мира, совсем еще ребенок, несовершеннолетний! Считать себя бессмертным заклинателем и так измываться над сиротой из-за сущих пустяков...

«Подонком ты был, прежний Цинюнь, редким подонком!»

Мысленно обругав прежнего хозяина тела, Бай Цинюнь осторожно потянул на себя дверь, опасаясь, как бы гнилая деревяшка не отвалилась вовсе и не лишила парня последнего навеса.

Каморка оказалась крошечной: помимо перекошенной койки да хромой табуретки, мебели внутри не водилось. Посему, едва ступив за порог, он сразу увидел лежащего на кровати юношу. Тот спал, отвернувшись к стене, с перебинтованной головой.

Это и был главный герой, Е Цинхэ. К слову, стоит тому появиться на страницах романа, как автор принимался иступленно выписывать его неземную красу, истощая весь свой словарный запас.

По скромным подсчетам Цинюня, за всю новеллу внешность героя повергала окружающих в священный трепет восемьдесят семь раз, выправляла вздохи восхищения девяносто раз, заставляла девиц краснеть пятьдесят раз и падать в обморок тридцать восемь раз. Настоящее оружие массового поражения.

Цинюню и самому стало любопытно взглянуть на этого рокового красавца. Посему он вытянул шею и принялся с нескрываемым любопытством разглядывать лежащего.

И замер как вкопанный.

«До чего же хорош...»

Линии бровей, разрез глаз, точеный нос, очертания губ — каждая черта по отдельности казалась идеальным изваянием. Но главное — вместе они складывались в настолько гармоничный образ, что дух захватывало. Ни малейшего изъяна, лишь чистая, благородная красота, аккуратно подчеркнутая темной родинкой-мушкой у самого уголка правого глаза.

Белолицый юноша в заснеженной лачуге...

Бай Цинюнь не был деревенщиной и в прошлой жизни видал немало красавцев, но ни один не попадал в его личные идеалы настолько точно.

Все эти пышные эпитеты — «подобен лику луны», «прекрасен как нефрит» — казались слишком блеклыми. Глядя на Е Цинхэ, Цинюнь осознал: истинная красота не требует замысловатых сравнений.

Немудрено, что он главный герой! Если он в шестнадцать лет, будучи израненным и истощенным, выглядит так, то что же будет, когда он повзрослеет? Понятно теперь, как ему удалось покорить сердца первейших красавиц этого мира. С таким-то лицом ему вообще все дозволено!

Поддавшись порыву, Цинюнь осторожно протянул руку и пощекотал пальцем юношескую

щеку. Ощутив нежную, бархатистую кожу, он невольно вздрогнул.

Лежащий не шелохнулся, погруженный в глубокое забытие. Почуввав безнаказанность, Бай Цинюнь осмелел на глазах. Он продолжал осторожно тыкать пальцем в чужую щеку, испытывая странное, почти ребяческое удовольствие.

«Ну и что, что ты будущий владыка мира? Ну и что, что у тебя будет гарем из сотни красавиц? Сейчас-то ты беспомощно лежишь передо мной, и я могу творить с тобой все, что захочу!»

«А жизнь-то налаживается!»

Радуюсь собственному превосходству, Бай Цинюнь снова ткнул пальцем в бледную щеку, оставляя на ней мягкую ямочку...

Стоп.

Почему на него смотрят?

Цинюнь застыл.

Е Цинхэ уже открыл глаза и молча, не мигая, в упор разглядывал... его дерзкий палец.

<http://bllate.org/book/20397/2105555>